

В. А. Базанов, И. В. Егорышева

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ Ф. Ф. ЭРИСМАНА И Л. Н. ТОЛСТОГО

Всесоюзный научно-исследовательский институт социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н. А. Семашко, Москва

Девяностые годы XIX века были периодом бурного развития капитализма и связанного с этим небывалого обнищания и ограбления народных масс России. Социальные противоречия русской жизни особенно резко обнажились во время голода (1891—1892), когда бедствие охватило 28 губерний страны. «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства,— писал В. И. Ленин в статье „Признаки банкротства“.— Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющееся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности»¹.

Русская интеллигенция не могла остаться безучастной к судьбе крестьянства, 20 миллионов которого страдали от голода. Мысль о причинах голода и путях борьбы с ним занимала в те годы умы выдающихся общественных деятелей России — писателей Г. И. Успенского, А. П. Чехова, Н. А. Рубакина и др. Многие представители медицинской науки — выдающийся патолог В. В. Пашутин, гигиенисты М. Я. Капустин, Д. П. Никольский, А. В. Погожев и др. — интенсивно изучали вопросы питания голодающих и влияния хронического голодания на здоровье населения.

Две замечательные личности проявили себя в борьбе передовой русской интеллигенции с голодом 1891—1892 годов. Великий русский писатель Л. Н. Толстой и один из основоположников отечественной гигиены

¹⁴ Н. А. Семашко. Избранные произведения. Изд. 2-е, М., 1967, с. 147, 150.

¹⁵ Гигиена и санитария, 1947, № 1, с. 4—10.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 278.

Ф. Ф. Эрисман находились в первых рядах прогрессивной общественности, участвовавшей в этой борьбе. Изучая биографические материалы о жизни и деятельности этих людей, делавших одно общее дело в разных областях культуры, мы обнаружили ряд данных, свидетельствующих об определенном контакте между ними в организации продовольственной помощи голодающему населению.

Напряженно следивший за жизнью народа, Л. Н. Толстой глубоко переживал бедствие, постигшее народные массы России «...не спал до 4-х часов — все думал о голоде»², — записал он в своем дневнике 18 сентября 1891 года. В том же месяце он объездил ряд деревень Тульской и Рязанской губерний, где близко знакомился с жизнью и нуждами крестьян. Взволнованный увиденным, писатель по возвращении в Ясную Поляну выступил со статьей «О голоде», в которой рассказал ужасающую правду о том, что ему привелось наблюдать. Раскрывая картины горя и нужды крестьянского населения, Л. Н. Толстой говорил о высокой смертности среди детей и физическом вырождении крестьян, клеймил позором роскошь, в которой продолжали пребывать помещики, отмечал преступное равнодушие властей к страданиям народа, доказывал ничтожное значение правительственной и земской помощи голодающему крестьянству.

Впоследствии В. И. Ленин, говоря о систематических голодовках русских крестьян, приводил данную Л. Н. Толстым в статье «О голоде» оценку правительственных мероприятий по оказанию помощи голодающим. В 1892 году Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить растение, соками которого он питается»³. Писатель доказывал, что голод не явился чем-то неожиданным в экономической жизни русской деревни, а лишь обострил положение крестьян после 30 лет так называемого освобождения. Он разоблачал клевету господствовавших классов, утверждавших, будто народ голодает от того, что ленив, пьян, дик и невежествен. Причины голода Л. Н. Толстой видел в том, что народ душили малоземелье, непосильные подати, солдатчина. «Народ голоден от того, что мы слишком сыты»⁴, — писал он, выражая в духе своего утопического и религиозно-нравственного учения надежды на то, что его слова смогут тронуть сердца богатых.

Л. Н. Толстой вообще с недоверием относился к частной благотворительности, считая ее вредным самообольщением, дающим своего рода нравственное право продолжать праздную, барскую жизнь за счет народа. Однако, посетив голодные места, писатель пришел к мысли, что в существующих условиях даже помощь частных людей сможет спасти от голодной смерти тысячи крестьян. Поэтому он энергично выступал в печати со статьями о голоде, писал бесчисленные письма знакомым и незнакомым людям, призывая их собирать средства на оказание помощи голодающим.

Поехав на несколько дней в деревню Бегичевку Рязанской губернии — имение своего друга И. И. Раевского — для того, чтобы познакомиться с положением крестьян, Л. Н. Толстой остался там на 2 года с целью организовать помощь голодающим. Относясь к этому делу весьма серьезно, он решил поставить его на научную почву и обратился за консультацией к профессору кафедры гигиены Московского университета Ф. Ф. Эрисману. «У Эрисмана узнать о коноп(ляных) жмыхах»⁵, — записал Л. Н. Толстой в записной книжке, датированной исследователями ноябрем 1891 года. О том, что писатель специально готовился к встрече с Ф. Ф. Эрисманом, говорит запись в другой записной книжке (сентябрь — ноябрь 1891 года): «У Эрисмана: о пшене, о горохе, о чечевице, о конопл(яных) жмыхах, ячмене, овсян(ом) киселе, свекле, кукурузе, пшенице»⁶.

² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 52, М., 1952, с. 53.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 278.

⁴ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 29, М., 1954, с. 106.

⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 52, М., 1952, с. 190.

⁶ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 52, М., 1952, с. 194—195.

Работавший в то время на кафедре известный санитарный врач М. С. Уваров вспоминал: «Помню раз в кухне Ф. Ф. (Эрисмана) оказался мужик, пожелавший видеть профессора. Ф. Ф. его принял, это оказался Л. Н. Толстой, пришедший посоветоваться, как кормить голодающих»⁷.

Из летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого, составленной Н. Н. Гусевым, явствует, что такая встреча могла произойти только в период с 29 ноября по 9 декабря 1891 года, когда писатель ненадолго приезжал в Москву.

Л. Н. Толстой обратился к Ф. Ф. Эрисману не случайно. Работы ученого в области гигиены и, в частности, гигиены питания были известны всей России. Видный гигиенист Д. П. Никольский писал, что «особенно ценны данные, обработанные Ф. Ф. Эрисманом о пищевом довольствии рабочих. Такого рода подробные сведения о питании рабочих были первыми не только у нас в России, но даже и за границей»⁸.

В 1891—1892 годах Ф. Ф. Эрисман уделял много внимания вопросам питания голодающего населения. Из-за недостатка пищевых средств в голодные годы широкое распространение получили суррогаты хлеба, являвшиеся основным продуктом питания крестьянского населения. Поисками дешевых питательных веществ для добавления их к муке при приготовлении хлеба в те годы занимались врачебные общества, гигиенические лаборатории, земские организации. Основываясь лишь на химическом анализе этих веществ, некоторые из них предлагали использовать вещества, по существу совершенно непригодные в пищу. Так, Пермское губернское земство рекомендовало выдавать голодающим крестьянам хлеб, наполовину состоявший из соломы.

Озабоченный этими явлениями, Ф. Ф. Эрисман обратился в октябре 1891 года через газету «Русские ведомости» к русской общественности с просьбой присылать образцы так называемых голодных хлебов для задуманного им научного исследования этих суррогатов. «Устранить тяжелые последствия неурожая гигиена не может, — писал ученый. — Но научная гигиена все же может внести и свою лепту в общее стремление так или иначе помочь голодающим: ...она может решать весьма важный вопрос о том, какие из предлагаемых суррогатов наиболее целесообразны в санитарном и наиболее выгодны в экономическом отношении»⁹. Такие исследования проводились на кафедре гигиены самим Ф. Ф. Эрисманом и его сотрудниками, а также на основанной им при Московском университете санитарной станции (ныне Московский институт гигиены им. Ф. Ф. Эрисмана), целью которой в первую очередь была борьба с фальсификацией пищевых продуктов, необычайно распространенной в те годы в Москве и Московской губернии.

Результаты исследований, проводившихся на кафедре гигиены, Ф. Ф. Эрисман широко освещал в печати и выносил на суд общественности в публичных выступлениях. Его статьи и речи получали большой общественный резонанс. Переписка Л. Н. Толстого свидетельствует, что их содержание было ему знакомо. «...хлеб теперь дороже всякого другого приварка, не менее, а часто более питательного, как-то гороха, овсянки, а у вас пшеница (Эрисман об этом самом читает лекцию)», — писал Л. Н. Толстой сыну Л. Л. Толстому¹⁰.

Ф. Ф. Эрисман категорически высказывался против употребления большинства суррогатов. «Примесь к ржаной муке лебеды, полевой гречишки и других сорных трав, различных жмыхов, соломы и тому подобных недобоваримых для человека или вредных для него веществ составляет зло, к устранению которого необходимо стремиться всеми силами», — писал он.

⁷ М. С. Уваров. Гигиена и санитарное дело, 1916, № 1—2, с. 64.

⁸ Д. П. Никольский. Гигиена и санитарное дело, 1916, № 1—2, с. 56.

⁹ Русские ведомости от 13 октября 1891 года.

¹⁰ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 66, М., 1953, с. 119.

«Голодающий, который приемом неподходящей пищи систематически расстраивает свое здоровье и который, если ему не удастся заменить своевременно эти суррогаты настоящей пищей, должен умереть либо от голодного истощения, либо от гастроэнтерита, дизентерии или сыпного тифа». Ученый доказывал, что в неурожайные годы нужно думать не о том, какими суррогатами можно заменить недостающий хлеб, но «нужно изгнать из употребления все эти суррогаты, нужно избавить население от необходимости пользоваться ими ... в современном государстве употребление хлебных суррогатов в вышеуказанном смысле нетерпимо»¹¹.

В своем докладе «К вопросу об усвояемости черного хлеба и различных суррогатов», сделанном в 1893 году на V съезде Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, Ф. Ф. Эрисман убедительно доказал, что азотистое равновесие в организме, являющееся показателем усвоения белков, не может поддерживаться ни одним из суррогатов хлеба. Равным образом азотистый баланс не может сохранять питание каким-либо одним пищевым продуктом. Эту мысль ученого Л. Н. Толстой пропагандировал в письме к врачу В. В. Рахманову, занимавшемуся организацией благотворительной помощи голодающим в Нижегородской губернии: «Эрисман пишет и читает лекции о том, как ошибочно кормить (одним лишь — В. Б., И. Е.) хлебом преимущественно, в гигиеническом отношении».

Далее Ф. Ф. Эрисман доказывал, что при употреблении в пищу хлеба, выпеченного из муки с примесью лебеды, жмыхов, желудей и т. п., отрицательный азотистый баланс возрастал вдвое по сравнению с хлебом из муки с примесью кукурузы, гороха и других пищевых веществ. Ученый признавал лишь возможность прибавления к муке картофеля и свекловичных отходов сахарного производства, добавляемых к ржаной муке.

И этот совет Ф. Ф. Эрисмана был использован Л. Н. Толстым при выпечке хлеба для общественных столовых. Дочь писателя Татьяна Львовна, работавшая вместе с отцом при организации общественных столовых, писала Софье Андреевне Толстой: «По совету Эрисмана пробовали печь хлеб с отбросами свеклы, которые на сахарных заводах продаются по 2 коп. за пуд и в которых, по словам профессора Эрисмана, очень много питательного. Первая проба не удалась, хлеб сел и вышел какой-то мокрый, но сегодня приехал пекарь, который опять сделает этот опыт. Пока лучше всего выходит хлеб с картофелем — он очень вкусен и обходится 78 коп за пуд ...»¹².

Ф. Ф. Эрисман не ограничивал свою деятельность гигиенической оценкой пищевых средств. Он выступал также с многочисленными советами по организации общественной помощи голодающим. Н. И. Волохова, родственница его друга и сподвижника в деле организации строительства земской медицины Е. А. Осипова, писала Осиповым 10 марта 1892 года: «Написавши вам письмо с просьбой о голодающих, на другой день я прочла, что Ф. Ф. Эрисман будет читать лекцию о голоде, я пожалела почему раньше я не написала вам о наших голодающих; оказывается, он ранее наметил, кому оказать помощь»¹³.

Организацию продовольственной помощи Ф. Ф. Эрисман считал основной мерой содействия голодающим. «Временные больницы и санитарные отряды, посылаемые в пораженные эпидемией части неурожайных губерний, сделают свое дело, — они необходимы; но все-таки лучшее средство в борьбе с желудочно-кишечными катарами, сыпным тифом и другими сопровождающими голод болезнями — улучшение питания голодающих»¹⁴. Ученый был горячим сторонником организации общественных столовых. «С санитарной точки зрения хорошо устроенная столовая, дающая 2 раза

в день достаточную пищу всем, которые в ней нуждаются, главным образом, конечно, женщинам, детям всех возрастов, старикам, больным — представляет просто идеал питания голодающих»¹⁵, — писал Ф. Ф. Эрисман. Организатором и пропагандистом создания таких общественных столовых на благотворительных началах выступил и Л. Н. Толстой.

М. С. Уваров вспоминал, что идея создания общественных столовых родилась из встречи писателя с Ф. Ф. Эрисманом. Здесь он впадал в явную ошибку, поскольку первые столовые устраивались Л. Н. Толстым еще до встречи с ученым (1—2 ноября 1891 года). Сам Ф. Ф. Эрисман писал, что доводы в пользу устройства столовых в широких размерах «прекрасно и убедительно изложены в некоторых статьях графа Толстого»¹⁶.

В письме к В. В. Рахманову Л. Н. Толстой давал следующие рекомендации по организации столовых, явно основанные на советах Ф. Ф. Эрисмана: «Изберите место в середине самых голодных деревень, припасите в это место муки, отрубей, картофелю, капусты, свеклы, гороху, чечевицы, овсяной муки, соли или хотя бы то, что можно из этого, и потом пойдите в одну из деревень и выберите в середине деревни, если она не больше 30—40 дворов, одну, самую бедную семью, а то две... и предложите хозяевам, получая от Вас продовольствие, печь хлебы и варить на самых нуждающихся — слабых, старых, малых, а то и не старых, но голодных, от 30 до 40 человек»¹⁷.

В организации столовых Л. Н. Толстому вначале помогала его собственная семья и семья Раевских. В дальнейшем в ответ на призыв писателя к пожертвованиям в его адрес потекли многочисленные пожертвования не только из разных концов России, но даже из-за границы. Десятки добровольцев просили писателя разрешить им работать в этих столовых. В их числе было немало революционно настроенной молодежи. Юная Вера Михайловна Величкина (по мужу Бонч-Бруевич), впоследствии врач-большевик, одна из первых строителей советского здравоохранения, а также будущая советская писательница Ольга Форш работали в столовых Л. Н. Толстого. Щедрые пожертвования дали возможность развернуть работу в больших масштабах: всего под руководством Л. Н. Толстого было развернуто 246 столовых и 124 приюта для детей в Тульской и Рязанской губерниях.

Описание одной из таких столовых в селе Бегичевке, ставшим своего рода центром помощи голодающим, оставил великий художник И. Е. Репин, приехавший к Л. Н. Толстому в Бегичевку в феврале 1892 года «В одной большой избе во всю длину, и даже в сенях стояли приготовленные столы, узкие, в две доски на подставках. Здесь кормилось много детей. Час для еды еще не наступил, но дети давно, уже с утра, ждали здесь обеда, околавываясь то на лавках, то в сенях и особенно на печи, где сидели один на другом. Лев Николаевич принял отчет от распорядительниц — хозяйек и мы поехали дальше»¹⁸. В организованных Л. Н. Толстым приютах дети получали молочную кашу, матерям раздавалась крупа. В некоторых деревнях устраивались пекарни, где по дешевой цене продавался хлеб хорошего качества. Так, не прибегая к помощи административного аппарата и служащих, Л. Н. Толстой кормил голодающих в 4 уездах.

Вся эта работа проходила в обстановке полицейской слежки и травли писателя, в которой видную роль играла реакционная газета «Московские ведомости». Стоило появиться в печати статье Л. Н. Толстого «О голоде» (писатель, опасаясь цензурных проволочек, опубликовал ее за границей), как редакция газеты заявила, что «пропаганда графа есть пропаганда са-мого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша под-

¹¹ Ф. Ф. Эрисман. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, с. 312—313.

¹² «Лев Толстой и голод». Сб. под ред. Ч. Ветринского. Н. Новгород, 1912, с. 132.

¹³ Письмо любезно предоставлено нам внуком Е. А. Осипова — А. Г. Гречачевским.

¹⁴ Ф. Ф. Эрисман. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, с. 316.

¹⁵ Ф. Ф. Эрисман. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, с. 315.

¹⁶ Ф. Ф. Эрисман. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, с. 315.

¹⁷ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 66. М., 1953, с. 140.

¹⁸ И. Е. Репин. Далекое близкое. М., 1961, с. 371.

польная пропаганда». «Мы ждали тогда обыска, высылки и даже ареста Льва Николаевича,— вспоминала В. М. Величина. Говорили, что был даже составлен проект о заточении Льва Николаевича в Суздальский монастырь». На эти меры власти не решились, однако столовые Л. Н. Толстого вызывали их опасения. Правительство боялось, что вокруг таких столовых организовывалось и сплывалось население. Выслеженная за чтением крестьянам популярной брошюры Ольга Форш была вынуждена оставить работу в общественной столовой.

Иначе сложилась судьба Ф. Ф. Эрисмана. Его лекции о голоде послужили в дальнейшем одним из мотивов удаления ученого с кафедры гигиены Московского университета, из которого он был уволен без объяснения причин в 1896 году. Ученый навсегда оставил Россию и поселился в Швейцарии, где продолжал работать для России, куда постоянно возвращались его мысли.

Таким образом, стремление помочь обездоленному крестьянству России связало в голодные годы 2 выдающихся общественных деятелей страны, из которых каждый на своем месте выполнял благородный долг.

Поступила 10/VII 1973 года